

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИСЛАМУ

А.В. Сызранов
(Россия, Астрахань)

В статье исследуется история взаимоотношений Российского государства и российского ислама, а также важнейшего аспекта этих взаимоотношений – государственной политики России по отношению к мусульманскому населению. Анализ позитивного опыта и ошибок – одна из важнейших задач отечественной истории. С конца XVIII в. для большего удобства государственного надзора над жизнью российского мусульманства власти империи приступили к созданию соответствующих мусульманских духовных учреждений – муфтиятов. Данная система управления окончательно сложилась к концу XIX – началу XX в. В статье предпринимается попытка проследить становление и эволюцию государственной политики России по мусульманскому вопросу через анализ законодательных актов Российской империи.

The history of the Russian state and Russian Islam and the most important aspect of these interrelations, the Russia's state policy towards muslim population; analysis of the auspicious experience and mistakes are one of the most important objects in the Russian history. Since the end of the XVIIIth century, for greater convenience of the government supervision over the Russian islam life, the empire authorities began establishing appropriate religious institutions like Muslim clerics or Muftiates. This supervisory authority was fully formed at the end of the XIXth – beginning of the XXth century. We try to make efforts to trace the formation and evolution of the Russian state policy in the Muslim issue using the analysis of the Russian Empire legislation.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, мусульманское духовенство, муфтият, ОМДС, политика, Российское государство, указ.

Key words: islam, muslims, muslim clergy, muftiat, OMDS (The Orenburg Muslim Spiritual Assembly), policy, The Russian Federation, edict.

Изучение ислама в России приобретает все большее теоретическое и практическое значение в связи с продолжающимся бурным возрождением данной религии в традиционно мусульманских регионах страны. Ислам в России – неотъемлемая часть российской истории, российской культуры, в то же время это не только предмет академической науки, но и важный фактор общественно-политической жизни современной России, играющий все более заметную роль. Будучи фактором формирования общественного сознания и поведенческих стереотипов мусульманского населения, он оказывал (и оказывает до сих пор) существенное воздействие на ход исторических событий в нашей стране.

Ислам является одной из традиционных религий на территории России. Проникновение мусульманства на территорию нашей страны началось еще в раннем средневековье. В столице Хазарского каганата Итиле, располагавшейся в Нижнем Поволжье, проживало немалое число мусульман; в Волжской Булгарии (Среднее Поволжье) ислам был государственной религией с 922 г. Включение в XVI–XIX вв. в состав России регионов Поволжья, Приуралья, Сибири, Крыма, Кавказа, Туркестана сделали новыми подданными многочисленные традиционно-«мусульманские» народы. Создание огромного единого целого, каким являлась Российская держава, было длительным, устройство религиозной жизни проживавших в государстве народов, в том числе и мусульманских, складывались достаточно сложно. История взаимоотношений российского государства и российского ислама и важнейшего аспекта этих взаимоотношений – государственной политики России по отношению к мусульманскому населению, анализ позитивного опыта и ошибок (в частности, политика «русификации» в царское время и политика «атеизации» в советское время) – одна из важнейших задач отечественной истории.

В XVI – первой половине XVIII вв. в отношениях Российского государства с его подданными-мусульманами не все было гладко и просто. В целом ислам и его религиозные учреждения в России никогда не были официально запрещены, но все же всячески приветствовался переход мусульман в православие. Начиная с XIV в. десятки представителей золотоордынской знати активно поступали на русскую службу,

получая после принятия православия все права и привилегии, имевшиеся у русского дворянства. Ряд тюркоязычных родов служил России, сохранив ислам: им были оставлены и дарилась земли, платилось жалованье, но не разрешалось владеть крестьянами-христианами [15, с. 62–64].

В начавшийся в XVIII в. «императорский» период русской истории политика государства по отношению к исламу и мусульманам оставалась достаточно противоречивой. В целом, законодательство первых русских императоров и императриц было направлено на ограничение ислама. Местные власти также следовали в русле этой политики. Так, в начале XVIII в. в Астрахани воевода Т.И. Ржевский взыскивал достаточно большие поборы с городских татар «деньгами и ясыри» и «коньми» с мечетей и свадеб, что послужило одной из причин участия городских мусульман в знаменитом астраханском восстании 1705–1706 гг., известного еще как «Свадебный бунт» [10, с. 69].

Всячески поощрялись переход мусульман в православие и миссионерская деятельность православного духовенства, было затруднено строительство новых мечетей. Так, Сенатский Указ 19 ноября 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании Губернаторам и Воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людях» гласил: «...Все имеющиеся в Казанской губернии новопостроенные за запретительными указами мечети ...сломать и впредь строить отнюдь не допускать, и того Казанской, Сибирской, Астраханской губерниям накрепко предостерегать... О превращенных в Магометанский закон... Губернаторам и тех губерний Городовым и провинциальным воеводам всеми удобовозможными способами разведать, ... и последствию на кого покажут и сыщется про то допряма, чинить с таковым, как вышеозначенным пунктом повелено...» [14, с. 43–44].

Ожиданиям российских мусульман ответила политика веротерпимости, которая начала проводиться в России во времена царствования императрицы Екатерины II (1762–1796). 17 июня 1773 г. ею был издан «Указ Синода о терпимости всех вероисповеданий...», в котором официально была провозглашена веротерпимость и официально разрешалось строительство мечетей для мусульман России [14, с. 45–46].

Анализ указов екатерининского времени показывают, что именно тогда российская власть пришла к пониманию необходимости соблюдать веротерпимость в отношениях с мусульманами при условии их абсолютной лояльности и преданности существующему строю и дому Романовых. Признав права мусульманской общины России на ее религиозную самобытность, российская власть стала более активно, чем раньше, встраивать ее в систему государственного устройства империи. Ускорился процесс включения мусульман в различные сословия и сословные группы и органы управления ими.

Особое внимание было уделено организации государственного регулирования «сверху» религиозной жизни российского мусульманства. Как известно, ислам не имеет ни церковно-иерархической организации, ни института монашества. Анализ действий властей в данном вопросе позволяет предположить, что ими делались попытки устроить нечто вроде «Русской Исламской церкви», наподобие православия.

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к полному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны. Как известно, первым опытом этой политики стала самостоятельность самой Русской Православной церкви, превратившейся после ликвидации патриаршества и создания в 1721 г. Святейшего Синода в специфическое, но все же чисто государственное учреждение. Именно с этой точки зрения для большего удобства государственного надзора над жизнью российского мусульманства с конца XVIII в. власти империи приступили к созданию необходимых, по их мнению, религиозных учреждений и форм организации их служителей.

Рядом законодательных актов екатерининского времени было начато формирование органов управления мусульманами России. По указу от 22 сентября 1788 г. в г. Уфе было создано Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС; открытие – в 1789 г.), юрисдикция которого была вначале распространена на всю территорию России. Последующими указами и распоряжениями были определены его

структура и штат, выделены необходимые для его деятельности казенные денежные средства [1, с. 319]. После присоединения Крыма к России российское правительство взяло на себя содержание существовавшего при Гиреях муфтията¹. В 1794 г. было объявлено о создании Таврического магометанского духовного правления, фактическое образование которого произошло позже, в 1831 г. [13, с. 33–40] В 1872 г. в Тифлисе были образованы Закавказские магометанские духовные правления (шиитское и суннитское) [15, с. 133].

В период правления Александра I (1801–1825) были предприняты первые попытки централизации контроля над всеми конфессиями империи. В 1810 г. было создано на правах особого министерства Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий. В 1817 г. было образовано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, где в рамках одного ведомства оказались контроль над всеми религиями и системой учебных заведений империи (в 1824 г. оно было ликвидировано). И, наконец, в 1832 г. в структуре Министерства внутренних дел был создан Департамент духовных дел иностранных исповеданий, просуществовавший вплоть до 1917 г. [11, с. 182–183].

Эпоха правления Александра I и Николая I была временем принятия особо значительного количества законодательных решений по вопросам жизни ислама и мусульман в России. При Николае I продолжалась работа по формированию общегосударственной системы мусульманских учреждений империи. В 1831 г. произошло фактическое образование Таврического магометанского духовного правления (в г. Симферополь), юрисдикция которого была распространена на западные районы России. В годы николаевского царствования шла подготовка по созданию управлений суннитской и шиитской общинами Закавказья, реализованная позже. В рамках разработки общеимперского законодательства был подготовлен принятый в самом начале правления императора Александра II в 1857 г. первый «Устав духовных дел иностранных исповеданий», специальный раздел которого посвящался мусульманам [14, с. 190–254].

Анализ многочисленных николаевских указов о мусульманах дает возможность выяснить отношение самодержавия к исламу во второй четверти XIX в., а также позволяет увидеть более общую картину политики Николая I. Внешний блеск империи скрывал постоянные опасения царя и его окружения по поводу возможного возникновения внутренних и внешних угроз, которые могли привести к «потрясению основ». Отсюда, по мнению российского востоковеда Д.Ю. Арапова, проистекала заметная противоречивость указов по исламским делам [2, с. 22]. Достаточно продуманные, действительно государственные решения сочетались с указаниями недалекими и просто варварскими. К числу последних можно отнести указ от 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении Магометан» [14, с. 82–85].

При преемниках Николая I число общегосударственных указов о мусульманах заметно сократилось, основные решения теперь принимались внутри бюрократической машины империи.

К концу XIX – началу XX вв. сложилась достаточно законченная система мусульманских духовных учреждений на территории империи. Районы европейской России и Сибири курировались Оренбургским и Таврическими муфтиятами, подчинявшимися Министерству внутренних дел. Жизнь мусульман Кавказа руководили Суннитское и Шиитское духовные управления. Особые правила определяли организацию мусульман на территории Степного генерал-губернаторства. Наконец, в Туркестанском крае специального органа по управлению мусульманами вообще не существовало, здесь все мусульманские вопросы определяли местные власти, подведомственные Военному министерству [16].

---

¹ Муфтият, или муфтийат – высшая ступень религиозной организации российских мусульман, духовное управление мусульманских общин определённого региона во главе с муфтием. Муфтий – знаток шариата, дающий разъяснение его основных положений и принимающий решение по его спорным вопросам в виде особого заключения (фатва / фетва), основываясь на принципах шариата и прецедентах.

Все мусульманские приходы Астраханской губернии находились в ведении ОМДС. Исключение составляли приходы Внутренней Букеевской Орды. Как отмечено в работе российского этнографа С.Г. Рыбакова «Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России», вышедшей в 1917 г., «Без всякого устройства в законе остается быт киргизов (то есть казахов. – А.С.) Внутренней Букеевской орды, Астраханской губернии. На вопрос о таком устройстве возбуждался еще в 1873 г., когда Высочайше учрежденной комиссией были выработаны основания устройства Внутренней орды, не получившие, однако, утверждения. В 1887 г. в Земском Отделе на основании работ местных комиссий в г. Астрахани был выработан проект Положения по управлению тремя киргизскими уездами Астраханской губернии (Букеевской Ордой), но также не получил движения в законодательном порядке» [17, с. 280]. Причина такого неопределенного положения, как показали недавние исследования омского историка А.В. Ремнева, заключалась в нежелании имперских властей включать казахов в ведение ОМДС, где доминировало татарское духовенство. Дело в том, что если в конце XVIII – первой половине XIX вв. татарские муллы, торговцы и учителя (часто в одном лице) воспринимались российскими властями как связующее звено между империей и ее новыми подданными – казахами и использовались в качестве культурных посредников в деле включения казахской степи в состав России, то в 1860–1880-х гг. власть начала серьезно опасаться усиления влияния татар в казахских степях. Мусульмане-татары стали восприниматься как соперники империи в деле «обрусения» казахов. В ряду многочисленных имперских вопросов был поставлен «мусульманский вопрос». Начали раздаваться голоса об ошибочности прежней политики игнорирования ислама и об угрозе «отатаривания» казахов. На этом политическом фоне формируется подозрительное отношение к деятельности ОМДС, возникает опасение, что Оренбургский муфтият в Уфе станет для казахов «исламским Римом», отторгающим их от России [18; 19].

Особое, привилегированное положение среди мусульманских народов России занимали представители мусульманского духовенства. Мусульманское духовенство (араб. риджал ад-дин – «мужи религии») – служители исламского культа, судопроизводства, административно-духовного управления и образования, знатоки и деятели религиозных наук и суфизма, составляют обособленную и влиятельную социальную прослойку в структуре мусульманских обществ (служители мечетей, проповедники, учителя мусульманских школ, ученые, судьи и другие «люди религии»). Термин «мусульманское духовенство» логически противоречив и носит довольно условный характер. В исламе нет особого духовного сословия, обладающего божественной благодатью, как нет и института церкви, служащего посредником между верующими и Аллахом. Поэтому среди мусульман теоретически любой совершеннолетний мусульманин, обладающий достаточным знанием и морально-нравственным авторитетом, с согласия верующих может руководить религиозной жизнью общины без специальной процедуры посвящения в сан [20, с. 289].

Такой порядок преобладал среди мусульманских народов Урало-Поволжья, Крыма, Кавказа, Средней Азии до присоединения этих территорий к России. С проникновением и утверждением российской государственности выборность духовных руководителей, прежде всего среднего и низшего звена, сохранилась. Но власти стремились поставить эту процедуру под свой контроль. После учреждения ОМДС, Таврического Магометанского Духовного Правления, Закавказских Магометанских Духовных Правлений порядок назначения мусульманского духовенства на большей части России был регламентирован на основе светского законодательства, учтывавшего, однако, некоторые важные шариатские нормы, а также местные обычаи и традиции. С этого времени рядом российских законодательных документов был постепенно определен круг духовных лиц (так называемые «указные муллы») и служителей мусульманских духовных учреждений, которые стали привилегированной прослойкой, вплетенной в государственные структуры. Они могли получать казенное жалованье, быть свободными от налогов, повинностей, воинской службы, имели пра-

во пользоваться доходами от своих приходов и т.д. Так в Российской империи юридически было оформлено «мусульманское духовенство» [2, с. 32].

В XVIII – начале XX в. в Нижнем Поволжье существовали следующие категории мусульманского духовенства: муллы – служители культа, духовные руководители мечетных общин («приходов»), стоящие на самой низшей ступени духовной иерархии [9, с. 181; 12, с. 7, 8, 17]; имамы – духовные руководители мусульманских общин, в повседневной жизни руководители общей молитвы в мечети [12, с. 8, 19–20; 8]; муаззины / муэдзины (иначе – азанчеи, абызы) – служители мечети, призывающие с минарета прихожан на молитву, а также прислуживающие муллам при богослужениях [9, с. 181; 12, с. 21]; кадии (также – казии, казыи) – религиозные судьи, отправляющие судопроизводство на основе шариата [9, с. 180–181; 4; 6]; ахуны – наименование старших духовных лиц, знатоков шариата, почетное звание [12, с. 21; 8, л. 310]; хатибы (также хатып) – ораторы, проповедники; обычно читали в мечети в дни праздничных и пятничных молитв проповедь – хутбу [8, л. 310–314]; мударрисы – преподаватели медресе, обычно специалисты по мусульманскому праву, знатоки этико-правовых норм ислама и методики юриспруденции [8, л. 313–314]; мугаллимы (также муалимы, хальфы) – учителя, преподаватели в мусульманских учебных заведениях, обычно помощники мударрисов [7, л. 1]; мухтасибы – должностные лица, контролирующие соблюдение мусульманами норм исламской морали в личной и общественной жизни [5, л. 1].

Претендент на духовное звание в начале избирался большинством голосов соответствующего прихода. Затем он подвергался строгой бюрократической проверке его благонадежности и отправлялся в ОМДС. Там он сдавал экзамен по теории и практике ислама. По его итогам присуждались духовные звания ахуна, хатиба, имама, муэдзина, мударриса, мугаллима, что удостоверялось особыми свидетельствами. Затем документы кандидата (приговор мечетной общины, выписка из журнала заседания ОМДС, с 1891 г. – свидетельство о знании им русского языка и др.) поступали на утверждение губернского правления. Здесь главное внимание обращали на политическую лояльность кандидата и отсутствие судимости. Если все было в порядке, ему выдавали именной указ о назначении на искомую должность, и с тех пор он числился на государственной службе [12, с. 26–27; 5].

На рубеже XIX – XX вв. империя Романовых вступила в эпоху кризиса. Это время характеризовалось преобладанием охранительной политики «православного консерватизма». Необходимо отметить, что в это время позиции ислама, особенно на окраинах (в том числе и в Нижнем Поволжье) были затронуты, пожалуй, менее всего. Шел процесс постоянного усиления влияния ислама среди мусульман империи. И все же в целом итогом русификаторской политики самодержавия стало нарушение сложного баланса сил и противовесов в поликонфессиональном российском государстве. Раздражение политикой властей в российской мусульманской среде совпало со сложными, достаточно неоднозначными процессами пробуждения исламского мира за пределами России.

После Манифеста 17 октября 1905 г. самодержавие вынуждено было допустить существование целого ряда мусульманских общественных организаций. Так, в частности, в Астрахани в 1905 г. образовались общества «Маджлис Шура-и Ислам» (араб. «Совет ислама», в архивных документах – «Дом мусульманских собраний») [3, л. 51, 67–69, 88–89, 157, 163–164], «Джамаат Исламийа» (араб. «Исламское общество») [3, л. 67, 81, 87–88, 157, 164] и др. Реально, однако, готовности и желания сотрудничать с ними не было. Наибольшей поддержкой со стороны властей в последнее десятилетие существования монархии пользовались наиболее традиционалистски настроенные круги российской мусульманской общины. Именно поэтому в Астрахани радикальное «Маджлис Шура-и Ислам» было закрыто в 1911 г., а более умеренное «Джамаат Исламийа», учредителем которого стали, главным образом, муллы астраханских городских мечетей, продолжило свою деятельность.

Понимание необходимости что-то делать и что-то менять в вопросах политики по отношению к мусульманам в правящих кругах страны несомненно присутствовало. Однако, этого было явно недостаточно, чтобы предотвратить наступление покон-

чившей с российским самодержавием революции 1917 г., в которой самое деятельное участие принимали и мусульмане России, в том числе и Нижнего Поволжья.

Список литературы

1. Азаматов Д. Д. ОМДС / Д. Д. Азаматов // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – М., 2006. – С. 319–323.
2. Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи / Д. Ю. Арапов // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор введ. статьи, коммент. и приложений Д. Ю. Арапов. – М., 2001. – С. 16–39.
3. ГААО (Государственный архив Астраханской области). – Ф. 286. – Оп. 2. – Д. 297.
4. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1129.
5. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1173.
6. ГААО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 1372.
7. ГААО. – Ф. 290. – Оп. 3. – Д. 312.
8. Гмелин С. Г. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 г. по пятое июня 1770 г. : в 2 ч. / С. Г. Гмелин // Путешествие по России для исследования трех царств природы. – СПб., 1777.
9. Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. / Н. Б. Голикова. – М., 1975.
10. Государственность России (конец XV – февраль 1917). – М., 1996. – Кн. I.
11. Дремков В. В. О муллах Астраханской губернии / В. В. Дремков. – Астрахань, 1912.
12. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сб. материалов. – М., 2006.
13. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор введ. статьи, коммент. и приложений Д. Ю. Арапов. – М., 2001.
14. Ланда Р. Г. Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. – М., 1995.
15. Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным делам) / П. П. Литвинов. – Елец, 1998.
16. Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / С. Г. Рыбаков // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор введ. статьи, коммент. и приложений Д. Ю. Арапов. – М., 2001. – С. 267–315.
17. Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е гг. XIX в.) / А. В. Ремнев // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник / отв. ред. С. Н. Абашии, В. И. Бушков. – М., 2006. – Вып. 32. – С. 238–277.
18. Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи / А. В. Ремнев // Вестник Евразии (Acta Eurasica). – 2006. – № 4 (34). – С. 5–31.
19. Фархшатов М. Н. Мусульманское духовенство / М. Н. Фархшатов // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопед. словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – М., 2006. – С. 286–292.

РАСКОПКИ МИНАРЕТА И ОСТАТКОВ МЕЧЕТИ НА КРАСНОМ БУГРЕ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Э.Д. Зиливинская
(Россия, Москва)

В статье рассматривается небольшой, сильно разрушенный объект, раскопанный на Красном бугре Селитренного городища. Он представлял собой фундамент и части стен минарета. Мечеть, к которой был пристроен этот минарет, почти не сохранилась. Тем не менее, сам факт наличия мечети на Красном бугре очень важен для понимания топографии этого золотоордынского города.

The paper deals with a small badly damaged structure excavated on the Krasnyi Bugor hil at the Selitrennoe habitation site. It is the foundation and parts of the walls of a minaret. Only slight traces of the mosque to which the minaret belonged have survived, yet the very fact of its existence on the Krasnyi Bugor hill gives an insight into the topography of this Golden Horde city.

Ключевые слова: Золотая Орда, Селитренное городище, мечеть, минарет, изразцы, купол.
Key words: The Golden Horde, the Selitrennoe site, mosque, minaret, tiles, dome.

Одним из наиболее значительных памятников археологии Астраханской области является Селитренное городище, традиционно считающееся остатками Сарая, столицы Золотой Орды [1, с. 114–117]. Более тридцати лет здесь вела раскопки Поволжская археологическая экспедиция под руководством профессора Московского